

КАКОЙ ИЗ КОТА? ТРУЖЕНИК?

Его отец, театральный художник, ушел на фронт добровольцем и погиб в Польше. Его мать, актриса и просто красивая женщина, стала строить свою дальнейшую судьбу без сына. Он вырос в доме дяди, человека высоких должностей и строгих взглядов на жизнь. Тем не менее, сам будучи сыном композитора, дядя прекрасно понимал, что талант мальчика должен быть оправлен соответствующим образованием. В этом смысле Муслиму Магомаеву повезло в первый раз.

Завтра супергероем советской эстрады Муслиму МАГОМАЕВУ исполнится 60

Веста БОРОВИКОВА

— Вы выросли в семье вашего дяди Джамаля. Его жена, Мария Ивановна, заменила вам мать. В своей книге вы пишете, что «она очень хорошо знала, что в жизни надо делать, а что не надо».

— Да, она хотела воспитать меня в «старом стиле».

— Что входит в понятие «старый стиль»?

— Ну, например, умение правильно держать вилку. Общаться с женщинами и со старшими.

— Вашу дочь вы воспитывали в тех же правилах?

— Мою дочь воспитывали в семье родителей моей первой жены, в Баку. И воспитали хорошо. Поэтому я не жалею, что она не жила со мной. Потому что я был всегда один, на гастролях, со мной рядом не было для нее няни. Да и не люблю я нянь.

— После того как вам попалась няня с «сумасшедшинкой»?

— (Смеется) К счастью, она у меня была недолго, пока я жил у мамы в Вышнем Волочке. В Баку у меня была прекрасная няня. Я ее очень любил.

— Вы как-то поддерживаете отношения с мамой?

— В основном звонками. Когда был в Мурманске, виделись.

— Вы не жалеете, что в детстве жили без нее?

— Нет, я ни о чем не жалею. Я верю в судьбу.

Строчки про няню Груню — одни из самых теплых в его книге воспоминаний. Няня потихоньку водила его в церковь. Он запомнил запах ладана, мерцание свечей в сумраке православного храма...

На ночь няня Груня рассказывала ему сказки.

— Это правда, что вы до сих пор любите сказки?

— Ну... (Смеется) Сказки перешли в фантастику. Я люблю хорошую фантастику. Брэдли, например. Не люблю слезоточивых романов.

когда он не был еще никому известен. Как-то мы попали вместе на какой-то прием. Отец его попросил послушать, как парень поет. Я приготовился к мучениям, думал, что опять какая-нибудь бездарность. Но Коля как завопит! У нас перепонки потрескались. Он меня поразил совершенно. Природа, чутье, талант — все есть. Я ему говорю: «Мальчик, главное, чтобы тебя не испортили. Ищи хорошего педагога». Потому что в начале пути самое страшное — попасть в руки какого-нибудь самодура, который решит сделать из тебя Карузо, и в итоге загубит тебя. А через годик-два он прогремел. Хотя Айзеншписа у него не было.

— У него еще и внешние данные великолепны. Он очень нравится женщинам.

посту такой личности уже не было. Был еще Демичев — человек мягкий, тонкий. Но ему не хватало его мужества. Она была лидер. В гневе была страшна, ее побаивались. Но те, кто хорошо ее знал, ее уважали.

— Вам еще покровительствовал Гейдар Алиев?

— Да, он относился ко мне по-отечески. Помог со званием. Тогда, когда я звания уже и не ждал. Впрочем, это ничего не дает. В смысле льгот. Лауреат Ленинской премии, Герой Соцтруда имеют льготы, народный артист СССР — нет. Пока был Союз, я просил не объявлять звание перед концертом. А после развала стал объявлять.

— Вы были кумиром советского народа. Не жалеете о развале Союза?

лютная свобода. Как вы считаете, так ли она нужна?

— Я против вмешательства идеологии в искусство. Я против, потому что время все равно все поставит на свои места. Таланты останутся в памяти людей надолго, а шушера все равно уйдет сама собой.

— Но шушера портит вкусы.

— У кого вкус есть, он останется. А у кого нет, не появится — все равно! Идеология здесь не поможет. И потом, что толку от идеологии? Как ни придирались к «Черному коту», а народ его все равно любил.

— А за что придирались?

— Ну как же! Это был первый твист. И потом, что же про котов писать? Про людей надо было писать, про тружеников. А какой из кота труженик? Самое смешное, что те, кто так радели за классическую музыку, сами ее не слушали и ничего в ней не понимали. Они тоже слушали «Черного кота». Только потихоньку. Я был в их домах. Всенародно хуля Высоцкого, они с большим удовольствием его слушали у себя дома.

В 1966 году, когда он был на гастролях во Франции, ему сообщили, что на Родине на него завели дело в ОБХСС. Он был не виноват, его подставил администратор. Но захотят ли разбираться? Ситуация была сложная. Ему надо было решать — возвращаться в неизвестность или остаться на Западе. Он вернулся.

— Почему?

— Я бы там не смог. Там мне было бы не с кем поговорить. И не о чем. Кроме как о деньгах, развее. А жизнь среди наших бывших — тоже не выход из положения. Такой музыкант, как Ростропович, смог. Он на плохом английском или плохом немецком что-то объяснит оркестру, но с миром он разговаривает на языке музыки. Который понимают все. Тем не менее я думаю, что ему бы больше хотелось жить здесь. Славе, который любит как следует гулять, приятней сидеть за столом со своими людьми. Ему же понимание нужно, а там с этим очень трудно.

— Вы бы не хотели, чтобы ваши дети жили на Западе?

— Ну почему же? Моя дочка уже живет там. Она вышла замуж за сына моего близкого друга. Он парень талантливый. Хотел петь. Но понял, что надо искать другую профессию. Освоил компьютер. Неплохо там устроился. Сейчас у них ребенок родился. А я там жениться не собирался. Стало быть, если бы я оставался, я должен был там остаться один на один с собой.

— А вы не любите одиночества?

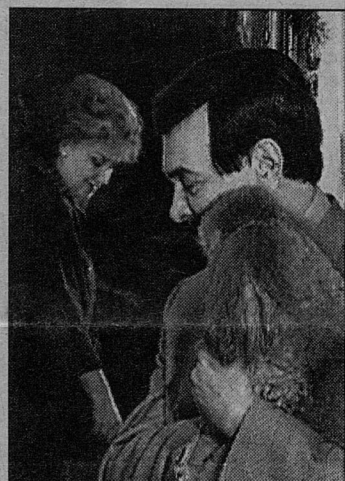
— Разве что иногда. Но если человек остается один, то это надолго.

Он не остался один. С Тамарой Синявской его свела опять-таки дружба народов. На этот раз Дни искусства России проходили в Баку. У нее были чудесные mezzo-сопрано, темные бездонные глаза и сильный характер.

— У меня он тоже непростой.

— Что заставило вас бросить свою свободу к ногам этой женщины?

— Я ничего не бросал к ее ногам. Мы оба люди свободные, и это нормально.

«Мы оба люди свободные. И это нормально»

— Хорошо, поставлю вопрос иначе. Какие качества вас привлекали в этой женщине?

— Она красивая женщина. Но не это главное. Она — добрая.

В 1969 году его пластинки купили четыре с половиной миллиона человек. Ему еще не было и тридцати лет, и такая слава могла бы сокрушить кого угодно. С Магомаевым этого не произошло. Строгое воспитание в «старом стиле» выдержало напор всеобщего обожания.

— Я знаю, что я ленив. Никогда не мог корпеть целыми днями над нотами. Дядя и тетя читали очень много. Точнее, они читали все. Я — выборочно. Я не доверяю мнению зрителей о моих концертах. Зрители призрачны. Я верю только себе.

— Вы доверяете своему мнению о чужих концертах?

— Я просто стараюсь не врать. Поэтому редко хожу на чужие концерты. Вот приезжала к нам Лайза Минелли. Я не пошел.

— Почему?

— Потому что когда-то она была великолепна. Вы помните «Кабаре»? Я не хочу разочаровываться.

— Дитрих выходила на сцену на восьмом десятке. И пела.

— Ну и зря.

Отойдя от суеты гастрольной жизни, он занялся живописью. Среди его холстов более всего запоминается один портрет: седовласый господин в цилиндре с пронзительным взглядом уставших глаз. Джузеппе Верди. Любимый композитор Муслима Магомаева. И, по убеждению последнего, всех оперных певцов мира. Я не спрашиваю, почему. Пора уходить. И что-то вежливо спростить на прощанье. Что-то не слишком серьезное.

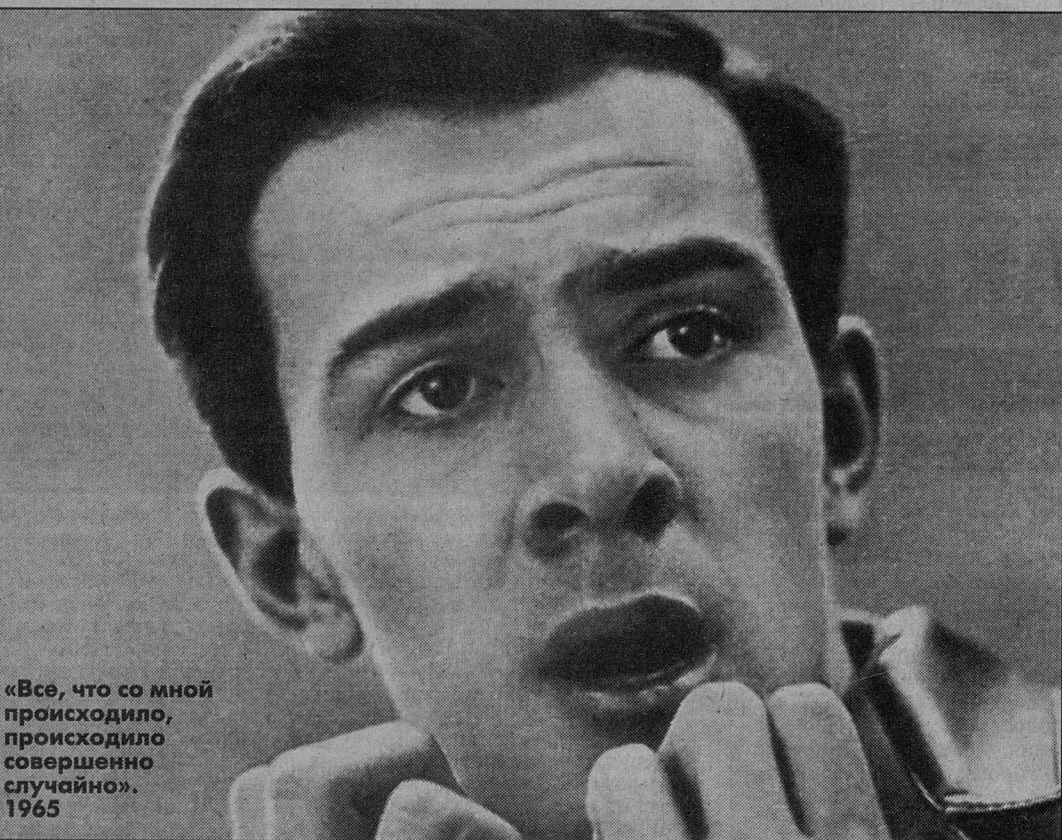
— Расскажите рецепт чудесной вишневой наливки, которая всегда была в доме вашего дяди Джамаля.

— А я его не знаю. Наверное, Манана знает.

(Появляется красивая восточная женщина с чудесной улыбкой.)

Манана: — Вишню надо промыть и положить в трехлитровую банку. Когда она постоит день и выпустит сок, ее заливают водкой. Потом она бродит. Потом ее процеживают через марлю и пьют.

Магомаев: — Однажды в детстве, когда наливка была уже вся выпита, я решил съесть вишню, которая оставалась в банке. Мне стало вдруг беспричинно весело и в то же время хотелось плакать...

«Все, что со мной происходило, происходило совершенно случайно». 1965

— А кроме фантастики?

— Компьютер люблю. С удовольствием играю в игрушки. (Вбегает карикатурный пудель Чарли и грозно лает.)

— Не бойтесь, он не кусается. Даже не знает, как это делать.

В первый раз его привез в Москву дядя Джамаля. Записи молодого певца дали послушать известному баритону Большого театра. Тот вынес свое резюме — в консерватории Магомаеву делать нечего. Пусть возвращается в свой Азербайджан. Муслим уедет в Баку в тот же день, тогда еще не поняв, что наличие собственного таланта часто сопутствует зависти к чужому.

— Скажите, а сейчас возможно поступить в консерваторию, имея в наличии только талант, и ничего кроме?

— Возможно. Если поможет случай. Но это должен быть сверхталант. А проще решить вопрос, если найдутся спонсоры. Но они тоже не дураки. Они будут вкладывать деньги только в того, кто в конечном итоге принесет прибыль.

— А если таланта мало, а очень хочется славы?

— Тогда нужен Айзеншпис. Коля Басков тоже был никому не известен. У него не было тогда тестя. Я помню, его слушал,

— Так уроду трудно! Это надо тогда иметь такой голос ангельский! И то лучше слушать с закрытыми глазами.

Все же Москва, столь холодно встретившая его когда-то, подарила ему шанс. 26 марта 1963 года в Москве проходила Декада культуры Азербайджана. В числе других азербайджанских студентов его пригласили выступить в Кремлевском дворце съездов. Кремлевские звезды осветили ему дорогу к славе. Это была его вторая удача. Как считает он, совершенно случайно.

— Вы целеустремленный человек?

— Совершенно не целеустремленный. Я, во-первых, не усидчивый, а во-вторых, ленивый. Но если мне что-то интересно, я могу заниматься этим сутками. Если мне что-то не нравится, меня это делать не заставишь. У меня никогда никаких целей не было. Все, что со мной происходило, происходило совершенно случайно. Совершенно случайно я получил и известность.

— К вам тепло относилась министр культуры Екатерина Фурцева.

— Она была высокоинтеллигентный человек. Незаурядная личность. После нее на этом

Каждый нормальный человек должен жалеть об этом. Я считаю развал такой великой страны катастрофой. Могли бы жить нормально. Все вместе.

— Как изменился Баку после перестройки?

— Очень изменился. Это теперь турецкий город с огромным количеством магазинов. Народ изменился. Много евреев уехало. Русских под видом евреев. Евреев под видом армян. Сами понимаете (смеется). У нас же что получилось? Беженцы из Баку, после конфликта получившие этот статус, не пожелали уехать в Армению. Они все уехали в Штаты. Они, по-моему, благодарят Бога за этот конфликт. Без него бы они никогда туда не попали.

— Вы часто бываете в Баку?

— К сожалению, очень редко. Теперь в свою республику я должен проезжать пограничному паспорту. Проходить таможенный контроль. Это смешно. И грустно.

У него всегда не ладилось с идеологией. Он не вступил в ВЛКСМ, не был членом партии. «Сердце на снегу», например, ему разрешила петь сама Фурцева, после долгих препирательств в кабинетах.

— Сейчас в творчестве абсо-